

Позитивизмъ Конта.

Статьѣ этой я считаю необходимымъ предпослать маленькое предисловіе. Въ 1881 и 1882 годахъ я помѣстилъ въ „Заграничномъ Вѣстникѣ“, издававшемся покойнымъ В. О. Коршемъ, рядъ статей подъ заглавіемъ: „Современные направления въ философіи“. Сперва была сдѣлана характеристика направленій современной германской философіи, а потомъ я перешелъ къ французской. Послѣ статей о католической философіи и французскомъ спиритуализмѣ я приступилъ къ характеристикѣ французского позитивизма и, конечно, главнымъ образомъ остановился на философіи Конта. Въ моей статьѣ я гораздо большее значеніе придавалъ той сторонѣ дѣятельности Конта, изъ которой вышла школа позитивистовъ, во главѣ которой стоитъ Лафиттъ (ортодоксальный позитивизмъ) и напротивъ не высоко цѣнилъ ту школу позитивизма Конта, которая принимала только его „Курсъ позитивной философіи“ и во главѣ которой стоялъ Литтрѣ. Почтенный редакторъ В. О. Коршъ, до тѣхъ поръ ни въ чёмъ не протестовавшій противъ моихъ воззрѣній, по поводу моей статьи о Конте пришелъ въ затрудненіе. Мое предпочтеніе Лафитта Литтрѣ показалось В. О. Коршу слишкомъ парадоксальнымъ и противорѣчащимъ общепринятымъ въ философіи воззрѣніямъ. Получивъ извѣстіе объ этомъ, я предложилъ В. О. Коршу сдѣлать въ статьѣ примѣченіе отъ редакціи, въ которомъ и выразить свое несогласіе съ моимъ мнѣніемъ, какъ сотрудника. Но онъ на-

шель неудобнымъ для себя согласиться на мое предложение, потому что въ моемъ предпочтеніи Лафитта Литтре есть „нѣчто такое,—писалъ мнѣ В. Ф. Коршъ,—чего я не могу напечатать въ журналѣ, не отказываясь публично отъ коренныхъ моихъ убѣжденій“. При этомъ онъ прислалъ мнѣ мою статью, считая невозможнымъ помѣстить ее въ журналѣ, если я не соглашусь дать ему право измѣнить или выкинуть нѣкоторыя отмѣченныя имъ мѣста. Я съ своей стороны рѣшилъ не соглашаться на это и, пока еще раздумывалъ надъ отвѣтомъ В. Ф. Коршу, получилъ изъ Петербурга извѣстіе, что журналъ „Заграничный Вѣстникъ“ прекращается. Такъ и осталась у меня съ тѣхъ поръ статейка о Конте. Такъ какъ вообще мои „Современные направленія въ философіи“, германской и французской, напечатанныя въ „Заграничномъ Вѣстнике“, остались тамъ какъ бы заживо погребенными, ибо журналъ не имѣлъ никакого распространенія, а между тѣмъ они, по-моему, были бы не безполезны въ нашей философской литературѣ, то я возьмѣлъ намѣреніе совершенно передѣлать ихъ, соотвѣтственно моимъ теперешнимъ философскимъ воззрѣніямъ и вообще современному состоянію философской литературы и критики, расширить ихъ объемъ и помѣстить, съ согласіемъ уважаемой редакціи „Вопросовъ философіи и психологіи“, въ этомъ журналь. Это предпріятіе я начну со статьи о позитивизмѣ Конта. Конечно, оставшаяся у меня отъ того времени статья появляется теперь совершенно передѣланною, обновленною и расширенною *).

*) Статья эта составлена, во-первыхъ, на основаніи моего собственнаго знакомства съ сочиненіями Конта и потомъ на основаніи изученія и чтенія многихъ сочиненій и статей объ его философіи. Ограничусь указаніемъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ мнѣ сочиненій о позитивизмѣ Конта, которыхъ считаю полезными для тѣхъ, кто желалъ бы познакомиться съ этимъ предметомъ самостоятельно. Таковы, наприм., касающіяся Конта сочиненія Джона Стюарта Милля, Льюиса и Литтре, статья о позитивизмѣ въ «*Dictionnaire des sciences philosophiques*» (1875) Франка, многія критическія статьи Ренувье и его со-трудниковъ въ журналѣ «*Critique Philosophique*», статьи касающіяся Конта или позитивной философіи въ журналѣ Рибо «*Revue philosophique*». Въ послѣднее время могу указать на особенно цѣнныя сочиненія Gruber'a «*August Comte*,

Свойства позитивизма вообще. Философія

* Конта представляетъ разновидность позитивизма вообще. Въ настсящей статьѣ я сперва кратко обозначу общія свойства позитивизма, гдѣ бы онъ ни появился (въ Греціи, Франції, Англіи, Германіи и т. под.) и какимъ бы именемъ онъ ни назывался *). Эти свойства состоять въ слѣдующемъ. Позитивизмъ отрицаетъ метафизику, какъ науку, никогда однако не опредѣляя строго и ясно, что онъ подъ нею разумѣеться. Если обобщить все то, что отрицаютъ позитивисты подъ именемъ метафизики, то можно сказать, что

der Begründer des Positivismus. Sein Leben und seine Lehre». Freiburg, (1889), и «Der Positivismus vom Tode August Comte's bis auf unsere Tage» Freiburg, (1891). Въ русской литературѣ я пользовался сочиненіями: «Опытъ критического изслѣдованія основоначаль позитивной философіи В. Лесевича. Спб., 1877». «Ученіе Ог. Конта объ обществѣ» С. Смоликовскаго. Варшава, (1881) — и особенно помѣщеннымъ въ этомъ же журналѣ сочиненіемъ г. Чичерина: «Положительная философія и единство науки».

*) Позитивизмъ является подъ слѣдующими именами: *сенсуализмъ, скептицизмъ, эмпиризмъ, критицизмъ, антропологизмъ, феноменизмъ, эволюціонизмъ*. Имена эти произошли отъ того, что въ частныхъ историческихъ выраженіяхъ позитивизма преобладала та или другая сторона общаго характера этого философскаго направлениѧ. Наприм. въ терминѣ «сенсуализмъ» выступаетъ на первое мѣсто тотъ пунктъ позитивизма, что основу всякаго познанія составляютъ ощущенія вѣнчнихъ чувствъ; въ терминѣ «антропологизмъ», рѣзче выступаетъ та мысль, что никакого другого, кроме человѣческаго, познанія нѣтъ и что, какъ таковое, оно вполнѣ относительное и т. д. Такъ какъ для всякаго предмета, находящагося въ процессѣ развитія, естественно стремленіе къ цѣлостности и къ объединенію его отдѣльныхъ элементовъ, то и для философской науки вообще и каждаго ея направлениѧ въ частности ставится, хотя бы даже и не ясно сознаваемая представителями науки, задача свести на возможно меньшее число какъ различныя направления цѣлой науки вообще, такъ и второстепенные развѣтленія какого-либо одного направлениѧ. Далѣе, такъ какъ однимъ изъ важныхъ средствъ для выполненія этой задачи является установка такого понятія и термина, значеніе и смыслъ котораго всего удобнѣе могъ бы служить общимъ знаменемъ для всѣхъ различій одного направлениѧ, то, съ этой точки зрѣнія, Контъ, впервые назвавшій свою философскую систему позитивизмомъ и во всей своей философской дѣятельности твердо стоявшій на разъ избранномъ терминѣ, оказалъ несомнѣнную услугу какъ философской наукѣ вообще, такъ и выше названнымъ позитивистическимъ ея развѣтленіямъ, потому что, какъ это выясняется въ настоящее время, всѣ они весьма охотно начинаютъ группироваться подъ этимъ общимъ именемъ.

къ ней они относятъ ученіе о предметахъ, не подлежащихъ чувственному опыту или вообще о субстанціяхъ, существахъ, мыслимыхъ умомъ («сущностяхъ»). Специально же позитивисты отвергаютъ ученіе о духѣ вообще и особенно о Богѣ, душѣ, или нашемъ я *). Точно также позитивисты отрицаютъ и ученіе о материальныхъ субстанціяхъ или тѣлахъ (атомахъ), хотя подъ покровомъ точныхъ естественныхъ наукъ (механики, астрономіи, физики, химіи) они болѣе или менѣе явно или незамѣтно переходятъ въ материализмъ. Далѣе позитивисты естественно отрицаютъ: ученіе о мірѣ, какъ единомъ цѣломъ, состоящемъ изъ взаимно-дѣйствующихъ существъ, или субстанцій, ученіе о міровомъ процессѣ въ его цѣломъ и неразрывной связи и, конечно, ученіе о первыхъ причинахъ и послѣднихъ цѣляхъ. Явленія и процессы біологические позитивисты сводятъ на явленія механическія. Не имѣя возможности отрицать психическихъ явлений, хотя они и не даны въ чувственномъ опыте, позитивисты стараются свести ихъ на явленія физіологическія, нервныя, разсматривая послѣднія какъ вполнѣ достаточную причину психическихъ явлений. Что же касается до вопроса, что такое жизненные или психическія явленія сами по себѣ (по своей сущности) и какъ они произошли изъ физическихъ и органическихъ, то позитивисты отвергаютъ вообще надобность и разумность такихъ изслѣдований и объяснений, потому что они повели бы только къ продуктамъ фантазіи, метафизическимъ сущностямъ и субстанціямъ **).

*) Нѣкоторые послѣдовательные позитивисты нисколько не считаютъ нужнымъ методически оспаривать бытіе духовъ и особенно Бога, души, но твердо стоять на томъ, что знать объ этихъ предметахъ абсолютно ничего нельзя, а потому этотъ пунктъ можетъ въ частныхъ случаяхъ служить путемъ перехода изъ позитивизма къ какой-либо религіозной, основанной на вѣрѣ, системѣ. Конечно, у позитивистовъ также какъ, къ сожалѣнію, и вообще въ философіи, остается неопределеннымъ, что значитъ бытіе, существовать и откуда получаются эти понятія. Всего чаще у нихъ неопределенно подразумѣвается, что «существовать» значитъ—подлежать чувственному ощущенію (percipi).

**) Въ связи съ отказомъ изслѣдовать сущность и происхожденіе явлений стоитъ допускаемый позитивистами подъ тѣмъ или другимъ именемъ прин-

Этой отрицательной сторонѣ позитивистического направлениа соотвѣтствуетъ положительное ученіе, утверждающее, что познанію подлежать только явленія и факты, данные въ опытъ *). Проверка, приведеніе въ порядокъ, классификація и обобщеніе этихъ фактovъ въ законы и составляеть въ позитивизмѣ задачу отдѣльныхъ, частныхъ наукъ. Наконецъ къ общимъ свойствамъ позитивистического направлениа философіи принадлежить *преобладаніе* въ немъ практической философіи надъ теоретической. Отрицая существа или субстанціи, отрицая самостоятельность и независимость психическихъ явлений отъ физиологическихъ и физическихъ, отрицая общемировую связь, позитивисты естественно считаютъ самою важною и наиболѣе доступною намъ философской задачей найти *формы* такой общественной жизни, въ которой люди, овладѣвъ путемъ знанія законами явлений и опираясь на колективную общественную силу, могли бы

циль чего то существующаго, но въ то же время безусловно *непознаваемаго*. Это существующее непознаваемое, которое, впрочемъ, они не смѣшиваютъ съ *неизвѣстными*, но доступными, при наступленіи благопріятныхъ условій, познанію, конечно представляеть противорѣчіе, свидѣтельствующее о невыработанности въ позитивизмѣ понятій *знаніе* и *сознаніе* и о смѣшении ихъ (см. подробнѣе объ этомъ предметѣ въ «Своемъ Словѣ»). Вслѣдствіе допущенія этой, данной (конечно, въ сознаніи, по-моему), но непознаваемой реальности *нѣкоторыя развѣтвленія позитивизма и называются аїностицизмомъ*.

*) Хотя вообще въ философіи понятія опыта, явлений и факта не ясны и не выработаны, но всего болѣе эта неясность господствуетъ у философовъ позитивистического направлениа, которое идолопоклонствуетъ передъ опытомъ, явленіями и фактами. Одно изъ крупныхъ заблужденій ихъ состоитъ въ томъ, что будто бы опытъ есть *средство* или *методъ* познанія и притомъ достовѣрнѣйшаго познанія. Къ сожалѣнію, по невозможности обстоятельно разсуждать здѣсь объ этомъ предметѣ, я скажу только, что опытъ, общій намъ съ животными, въ строгомъ смыслѣ слова, не даетъ познаній, которыя образуются посредствомъ специальной дѣятельности мышленія въ соединеніи съ воображеніемъ. Опытъ же даетъ только поводъ къ образованію познанія и элементы для него. Не менѣе глубоко и то заблужденіе позитивистовъ, что будто бы существуютъ сами по себѣ въ отдѣльности явлений и факты на подобіе видимыхъ вещей въ пространствѣ. Явлений и фактovъ никогда не существуетъ кроме какъ въ актахъ познающаго, мыслящаго и воображающаго существа, которое, *соответственно* своимъ собственнымъ познавательнымъ *потребностямъ и цѣлямъ*, выдѣляетъ тѣ или другія сознаваемыя имъ состоянія и ставить ихъ, въ качествѣ отдѣльныхъ объектовъ, для пониманія мыслью.

приспособить себя къ явленіямъ и ихъ къ себѣ и достигнуть счастья,} насколько это возможно, скорѣе и полно. Что такое счастье и какимъ образомъ происходитъ и образуется это понятіе, возможно ли счастье и какъ,—надъ этимъ позитивизмъ не слишкомъ задумывается, считая это достаточно известнымъ изъ опыта. Вообще можно сказать, что въ теоріи морали позитивистического направлениія основнымъ началомъ естественно является эвдемонизмъ, принимающій формы либо морально-общественныхъ системъ соціализма (счастья для всѣхъ), либо—утилитаризма (счастье возможно большаго числа).

Догматизмъ Конта; отсутствіе теоріи познанія. Теперь отъ этихъ общихъ свойствъ позитивизма, принадлежащихъ и философіи Конта, я перейду къ ея частнымъ признакамъ, изъ которыхъ въ этой статьѣ можно указать только на главные и то весьма кратко. Общий характеръ позитивизма Конта отличается духомъ *догматизма и прямолинейности*, съ которыми онъ проводитъ свою систему *). Одну изъ важнѣйшихъ особенностей позитивизма Конта составляетъ отсутствіе у него *теоріи познанія*, которая въ настоящее время признается позитивистами единственнымъ содержаніемъ философскаго знанія. Конть совершенно игнорируетъ вопросы о происхожденіи знанія и его основныхъ законахъ, о процессахъ познавательной дѣятельности, въ частности же о законахъ и формахъ мышленія и проч. Основныя понятія всякаго познанія и науки (бытія, сущности, явленія, субъекта, объекта, матеріи, силы, причины, цѣли, за-

*) Указывая на эти недостатки философіи Конта, я вовсе не хочу нанести ущербъ его силамъ и способностямъ. Не принадлежа къ сторонникамъ позитивизма вообще и Конта въ частности, я не могу не признать его человѣкомъ не только большой умственной и нравственной силы, но не могу отрицать даже и нѣкоторыхъ главнымъ образомъ отрицательныхъ услугъ, оказанныхъ имъ философской наукѣ. Этой оценкѣ нисколько не противорѣчать отмѣчаемые мною недостатки—догматичность и прямолинейность, отъ которыхъ совсѣмъ свободны только умственно и морально слабые люди, обыкновенно спасающіеся отъ нихъ въ надежную гавань, выражющуюся въ положеніи: съ одной стороны нельзя не сознаться, а съ другой должно признаться.

кона, сходства, различія, тождества, равенства, пространства, времени и т. под.) употребляются имъ безъ всякаго определенія и изслѣдованія ихъ значенія и генезиса *). Тотъ же доктринальный произволъ является и въ утвержденіи Конта, безъ всякаго предварительного изслѣдованія, что разумъ человѣческій слишкомъ ограниченъ для познанія «основной природы существъ» или «образа происхожденія явлений» и т. под. **).

Отсутствіе логики и психологии въ системѣ наукъ Конта. При отсутствіи теоріи познанія у Конта нѣтъ даже и вопроса объ объясненіи и оправданіи факта разделенія знанія на отдѣльныя науки. Онъ доктринально принимаетъ существующій фактъ этого разделенія и искусственно изобрѣтаетъ основаніе для распорядка и классификаціи наукъ. И здѣсь ярко обнаруживается его прямолинейный доктринализмъ въ томъ, что онъ рѣзко расходится съ традиціями, господствующими даже у философовъ родственного ему направленія, и исключаетъ изъ системы наукъ двѣ основныя философскія дисциплины: логику и психологію. Мы сейчасъ видѣли, что у него нѣтъ теоріи познанія (логики въ широкомъ смыслѣ), но онъ не признаетъ наукою и общепринятую, начиная съ Аристотеля, логику или науку о законахъ и формахъ мышленія (такъ называемую формальную логику). Въ логикѣ, какъ особой наукѣ, по Конту, нѣтъ надобности, потому что всѣ науки представляютъ ее, такъ сказать, на практикѣ, въ приложении. Методы научнаго мышленія должно изучать прежде всего въ методахъ математики—этой науки по пре-

*) Само собою разумѣется, что нельзя же считать изслѣдованіемъ о происхожденіи идеи пространства дѣтски-наивную мысль Конта, что оно есть обобщеніе опытныхъ наблюденій, наприм., «когда мы думаемъ объ отпечаткѣ (*à l'empreinte*), оставляемомъ тѣломъ въ жидкой средѣ».

**) Въ вышеуказанномъ сочиненіи г. Лесевича, хотя вообще онъ и признаетъ, что у Конта нѣтъ философской теоріи познанія, тѣмъ не менѣе усматриваются какіе-то «зачатки философской критики». Я же съ своей стороны ровно никакихъ намековъ и «зачатковъ» критической теоріи познанія у Конта не вижу.

имуществу, составляющей истинную основу положительной философіи, и въ методахъ остальныхъ наукъ *). Логика, абстрактно излагающая методы изслѣдованія и правила аргументаціи, точно также безполезна, по Конту, какъ были бы безполезны абстрактныя теоріи ходьбы, разговора и тому подобныхъ дѣйствій, выполнять которыхъ люди отлично научаются и безъ абстрактныхъ теорій и правиль. Не говоря уже о томъ, что Конть и не подозрѣваетъ, что акты какъ нашей познающей и мыслящей, такъ и другихъ (ощущающей, чувствующей) дѣятельностей доступны нашему непосредственному усмотрѣнію (точнѣе сказать, сознанію), — слѣдовательно суть прямые факты о томъ предметѣ, который называется человѣкомъ, — все-таки, еслибъ даже это непосредственное наблюденіе и было невозможно, научная потребность людей не могла бы удовлетвориться отрывочными наблюденіями надъ своею мыслящею дѣятельностью въ ея продуктахъ и поверхностными заключеніями изъ этихъ наблюденій. Значитъ, необходимо, чтобы операциіи мышленія были систематически выдѣлены изъ выработанного при ихъ посредствѣ содерянія наукъ въ особую науку, называемую логикой. Впрочемъ, на необходимость этой науки всего ярче указываютъ и тѣ грубыя логическія ошибки, которыхъ дѣлаютъ даже крупные ученыe, какъ скоро они выходятъ изъ сферы своей специальности, а иногда и въ этой самой сфере, и наконецъ тѣ ошибки, которыхъ не мало можно найти у самого Конта.

Другую общепризнанную науку, — психологію, — Конть

*) Для Конта и въ періодъ «Положительной философіи» и еще болѣе въ позднѣйшій періодъ «Положительной политики» математика замѣняла логику и какъ науку о познаніи, и какъ науку о мышленіи. Конечно, Конть и не подозрѣвалъ, что въ этомъ отношеніи онъ нѣсколько приближался къ истинѣ, ибо математика есть, въ сущности, наука не обѣ явленіяхъ, хотя она и можетъ быть прилагаема къ нимъ, но о способѣ и актахъ познавательной дѣятельности самой нашей мыслящей субстанціи. Отъ этого и происходитъ безусловная достовѣрность, понятность и всеобщность математическихъ знаній. Отъ этого происходитъ также и то, что примѣры изъ математики могутъ служить самою лучшою иллюстраціей для законовъ и правиль логики, какъ науки о мышленіи.

отрицалъ на томъ яко бы „анатомическомъ“ основани, что въ мозгу есть только одинъ органъ для умственныхъ операцій (наблюденія, мышленія и проч.). Значитъ, при предположеніи возможности наблюдать и обсуживать свои умственные операциі, оказалось бы, что „органъ наблюдающей и наблюдаемой тождественъ“. „Мыслящее лицо“, — говоритъ онъ, грубо впадая въ материализмъ и отождествляя нашу мыслящую субстанцію съ тѣмъ органомъ мозга, который по принимаемой Контомъ френологіи Галля, долженъ завѣдовать интеллектуальными функціями, — „не можетъ раздвоиваться“ и наблюдать самого себя въ то время, когда наблюдаетъ и изучаетъ явленія. Отсюда Контъ, съ обычною прямолинейностью, заключаетъ къ *ложности и невозможности* психологіи, какъ науки, основанной на самонаблюденіи. Само собою разумѣется, что еслибъ Контъ свое же главное положеніе, что философія должна быть основана только на фактахъ, понималъ надлежащимъ образомъ, — что однако для него было невозможно, такъ какъ онъ не имѣлъ точнаго понятія, что такое фактъ, — то онъ воздержался бы отъ своего поспѣшного заключенія о невозможности самонаблюденія, ибо *ниятъ факта больше доказательна*, какъ убѣженіе всѣхъ людей въ томъ, что они не только наблюдаютъ, мыслятъ и проч., но что они и прямо знаютъ о своихъ операцияхъ наблюденія, мышленія и проч. Если бы далѣе Контъ былъ не „положительный философъ“, а настоящій философъ-метафизикъ, то онъ надолго бы остановился въ раздуміи и сомнѣніи надъ капитальнѣйшею проблемой человѣческаго познанія и, еслибы не разрѣшилъ ее вполнѣ, то нашелъ бы все таки лучшій выходъ изъ затрудненія, чѣмъ отрицаніе психологіи на „анатомическомъ“ основаніи *). Такой выходъ естественно представлялся, наприм., въ той мысли, что еслибы люди даже и не могли непосред-

*) Какъ ни наивна аргументація Кonta противъ психологіи, какъ науки, и какъ ни прямолинейно ея отрицаніе, однако въ нихъ есть и серьезная сторона, на которую обратили вниманіе и философы-метафизики, наприм. Шопенгауэръ, Гербартъ и проч., которые также затруднялись признать возмож-

ственно сознавать свои умственные дѣйствія, то они могли бы дѣлать это путемъ воспоминанія. Вѣдь всѣмъ и каждому известно изъ собственного опыта, что мы въ воспоминаніи чрезвычайно подробно возстановляемъ такія свои дѣйствія, мысли и чувства, которыхъ, повидимому, мы совсѣмъ не сознавали въ то время, когда ихъ производили и испытывали.

Въ виду рѣзкаго отличія позитивизма Конга отъ другихъ его формъ, особенно господствующихъ въ Англіи, будетъ не безполезно сказать нѣсколько словъ для объясненія этого отличія. Когда это направленіе, начиная съ Локка и особенно съ Юма *), пустило тамъ болѣе глубокіе корни, то перешло оттуда и во Францію, гдѣ сообразно съ духомъ

ность познанія своего познанія, или возможность того, чтобы *субъектъ* познанія былъ въ то же время и его *объектомъ*. Но вездѣ, во всѣхъ случаяхъ этого затрудненія, оно всегда проходитъ отъ того, что или отрицается субстанція вообще (Контъ), или отрицается субстанціальность познающаго субъекта (Шопенгауэръ), или же хотя субстанція и признается, но понимается невѣрно (Гербартъ). Дѣло въ томъ, что субъектъ и объектъ, которые реально суть одно и то же, въ актѣ мышленія необходимо распадаются на *две* стороны: субъективную и объективную. Забывая или же не зная этого, люди и философы *субстанцируютъ* эти *понятія* субъекта и объекта и понимаютъ ихъ раздѣльными и вообще, помимо мышленія. Это заблужденіе особенно укрѣпляется по отношенію къ такъ называемому материальному міру, гдѣ наши же собственные состоянія, при помощи фантазіи, принимаютъ видъ совершенно самостоятельныхъ реальностей, тогда какъ они нигдѣ, кроме акта представлениія, не существуютъ. Затѣмъ это ложное отношеніе съ материальныхъ образовъ переносится и въ сферу не материальную, изъ области такъ называемаго *внѣшнаго опыта*—въ область *внутреннаго* (опытъ, строго говоря, одинъ, а не двоякій). Тогда-то и возникаетъ (напр. у Конта), повидимому, основательное требованіе, чтобы одна и та же наша субстанція въ разныхъ своихъ функціяхъ *предстояла сама передъ собою*, подобно тому, какъ будто бы самъ собою предстоитъ (полагаемый въ силу причинности) материальный объектъ передъ изучающимъ его духовнымъ, не материальнымъ субъектомъ (т.-е. чтобы мы его также наблюдали—ощупывали, обнюхивали, оглядывали и т. д., какъ наблюдаемъ камень, дерево и т. под.). Однако все это затрудненіе благополучно разрѣшается тѣмъ соображеніемъ, что одинъ и тотъ же субъектъ заразъ и функционируетъ въ разныхъ дѣятельностяхъ, и сознаетъ акты этихъ функцій, и понимаетъ ихъ какъ свою принадлежность.

*) Юма считаетъ и Контъ своимъ главнымъ философскимъ предшественникомъ, хотя есть основаніе думать, что знакомство его съ философіей Юма было не особенно глубоко и всего вѣроятнѣе сдѣлано было еще въ молодости. Во всякомъ случаѣ признаніе Юмомъ психологіи такъ же мало имѣло влія-

нації, съ общественнымъ строемъ Франції и съ господствовавшими въ ней філософскими традиціями, наприм., отъ картезіанизма, характеръ его болѣе или менѣе видоизмѣнился.

Англійскій эмпіризмъ и сенсуализмъ въ теченіе 18-го вѣка, принявший дома черезъ Юма характеръ скептицизма, на французской почвѣ въ тотъ же періодъ получилъ характеръ болѣе докатической и даже метафизической, наприм. у Кондильяка *), энциклопедистовъ и проч. Англійская механическая натурфілософія (Ньютона) у французовъ приняла характеръ *натурализма* или *илозоизма* (Бюффонъ, Робине, Дидро). Различные направленія: *илозоизмъ*, *пантеизмъ*, поверхностный *спиритуализмъ*, рациональный *деизмъ* пестро переплетались и комбинировались другъ съ другомъ и чрезвычайно легко и даже безъ яснаго сознанія о томъ самихъ філософовъ переходили въ самый грубый *матеріализмъ* и *атеизмъ* (наприм. у Дидро, Вольтера, Кабаниса и проч.). Англійскій политический и общественный либерализмъ переходилъ на французской почвѣ въ революціонныя доктрины, угрожавшія разрушеніемъ и наконецъ разрушившія сущенія на Конта, какъ и признаніе ея наукой Д. С. Миллемъ, хотя, по выражению Конта (въ одномъ изъ писемъ къ Миллю), «мозгъ» Милля «вибрировалъ созвучно съ его (Конта) мозгомъ». Вѣроятно, что Юмъ всего болѣе повліялъ на Конта своею критикой філософскихъ понятій субстанціи и причины и своимъ ученіемъ, что подъ причинностью должно разумѣть только постоянное слѣдованіе явлений другъ за другомъ.

*) Такъ, напримѣръ, хотя сенсуализмъ и скептицизмъ Юма въ Англіи и сенсуализмъ Кондильяка во Франції вышли оба изъ одного источника—изъ эмпіризма Локка, однако они представляютъ немаловажная различія. Какъ у Юма, такъ и у Кондильяка первоначальнымъ источникомъ для всеї психической жизни служать ощущенія съ чувствами, но у Юма обѣ эти группы психическихъ состояній эмпірически принимаются во всемъ разнообразіи ихъ состава за первичный фактъ; у Кондильяка же докатически строится весьма замысловатая, но искусственная гипотеза, по которой всѣ разнообразныя наши ощущенія постепенно производятся изъ первого ощущенія, а именно осязанія; а все разнообразіе нашихъ чувствъ производится изъ первого неопределенного влечения или стремленія. Точно также и далѣе искусственно выводятся различные формы умственной жизни и высшихъ чувствъ: вниманіе, память, воображеніе, разсудокъ, любовь, ненависть и проч. Точно также искусственно и докатически Кондильякъ соединяетъ свой сенсуализмъ съ признаніемъ бессмертной души, Бога, нравственного закона.

ствовавшій общественний и государственный строй. Позитивистическія возврѣнія Конта и выработались именно подъ вліяніемъ всѣхъ сейчасъ указанныхъ формъ и теченій 18-го вѣка. Но кромъ этихъ вліяній на Конта еще весьма сильно отразилось вліяніе первоначального воспитанія въ строго католической и легитимистской семье и связанное съ нимъ вліяніе католической церкви, которое, перемѣшавшись и сливвшись со всѣми, повидимому, противоположными ему, сейчасъ описанными теченіями, выказалось въ весьма оригинальной религіозной формѣ католичества, которое однако должно отнести не къ христіанству, а къ философскому идолопоклонству.

Философія и науки у Конта. Іерархія наукъ. Теорія познанія, логика, психологія, метафизика и этика обыкновенно составляютъ части, элементы или стороны всякаго философскаго ученія. Какъ мы видѣли, первыхъ трехъ въ философіи Конта нѣтъ; метафизика же исключается позитивизмомъ вообще. Ниже мы увидимъ, что и этика Конта не можетъ быть признана частью философской системы. Тогда спрашивается, на какомъ же основаніи самъ Конть и другіе называютъ его ученіе философіею? Единственнымъ основаніемъ для того, по-моему, можетъ служить извѣстное изрѣченіе Аристотеля: «если должно философствовать, то и должно философствовать, если же не должно философствовать, то все-таки должно философствовать (т.-е. доказывая, что не должно философствовать); слѣдовательно, во всякомъ случаѣ и всегда должно философствовать». Позитивизмъ Конта есть не что иное, какъ не ясно сознаваемая, но прямолинейно-догматическая попытка уничтожить философію, какъ науку, и тѣмъ какъ бы укоротить мыслящую дѣятельность человѣка на самую высшую форму ея проявленія. Но въ то же время эта попытка есть своего рода самоубийство, ибо само то оружіе, которое повидимому, уничтожало философію, никакимъ другимъ именемъ, кромъ философіи, не могло быть названо *).

*) Во всякомъ случаѣ попытка Конта представляеть своего рода преступное покушеніе на оскорблѣніе величества самого мыслящаго и философствую-

Такъ какъ у Конта нѣтъ ничего похожаго ни по формѣ, ни по содержанію на систематическое опредѣленіе философіи, то я теперь приведу нѣсколько безпорядочно брошенныхъ имъ въ разныхъ мѣстахъ предложеній, въ которыхъ онъ хочетъ характеризовать открытую имъ псевдо-философію названную громкимъ именемъ «положительной философіи». Такъ изъ одного мѣста мы видимъ, что задача «положительной философіи сравнительно съ положительными науками» заключается въ ученіи объ «общностяхъ (*génégalités*), относящихся къ различнымъ наукамъ», или объ общихъ отношеніяхъ научныхъ законовъ между собою. Въ другомъ мѣстѣ мы встрѣчаемъ мысль, что «понятіе вселенной по его шаткости и неясности должно быть исключено изъ положительной философіи, а понятіе міра, по ясности его, становится самымъ обширнымъ, которое мы можемъ позволить себѣ разрабатывать съ успѣхомъ» *). Затѣмъ мы встрѣчаемъ множество фразъ и эпитетовъ для прославленія «положительной философіи»—въ родѣ того, что она «реальна», «полезна», «достовѣрна», «точна», «относительна», «органична» «исключаетъ метафизику, теологію», «всякія фантазіи объ абсолютномъ», и стоитъ только «на фактахъ, доступныхъ нашему организму» **), занимается только «дѣйствительными научными законами явлений» и т. под. Не имѣя возможности понять изъ сейчасъ приведенныхъ указаній, въ чёмъ со-

щаго разума, а потому не безъ основанія нѣкоторые критики Конта отказывали его ученію въ правѣ называться философіею.

*) Такъ какъ Контъ подъ міромъ разумѣеть здѣсь только одну солнечную систему и происходящія на ней явленія, конечно, материальная, то міръ, какъ предметъ философіи, долженъ бы правильно войти въ одну изъ наукъ системы Конта—астрономію.

**) Трудно найти въ исторіи философіи что-либо *наивнѣе* и *грубѣе* этихъ «фактовъ, доступныхъ нашему организму». Я думаю, что прежде всего самъ нашъ организмъ есть фактъ и, подобно всякимъ другимъ фактамъ, доступенъ только мыслѣщему уму, въ которомъ и существуетъ. Функція организма состоитъ, конечно, не въ воспріятіи фактовъ и переработкѣ ихъ въ познаніе, какъ лумаютъ Контъ и другіе ему подобные *научно-положительные философы*, а въ воспріятіи, переработкѣ и ассимиляціи пищи, также какъ и въ выдѣленіи всего негоднаго для органической жизни.

стоять тѣ „общности“, которыми должна, въ системѣ Конта, отличаться философія отъ остальныхъ наукъ, нужно обратиться къ тому отдѣлу ея, содержаніе которого, не относящееся ни къ одной изъ частныхъ наукъ, можетъ быть принято за специальное достояніе философіи, а именно: къ двумъ первымъ лекціямъ „Курса положительной философіи“. Здѣсь мы находимъ два пункта, особенно превознесенные послѣдователями Конта въ качествѣ его важнѣйшихъ философскихъ подвиговъ: *классифікацію* или *іерархію наукъ и законъ трехъ состояній* *).

При отсутствіи у Конта теоріи познанія, логики и психологии, а слѣдовательно и правильного понятія о томъ, что такое знаніе, наука, уже за ргiогi нельзя было ожидать удовлетворительной классифікаціи наукъ. И дѣйствительно, классифікація или іерархія наукъ стоитъ у него на случайныхъ и произвольныхъ основаніяхъ. Отправляясь отъ исторически вошедшихъ въ систему современаго общественного образования наукъ, онъ искусственно и ощупью ищетъ оснований для ихъ *объединенія* и *взаимной связи* другъ съ другомъ, не подозрѣвая, что эти основанія заключаются не въ томъ, что онъ называетъ явленіями, а только въ человѣческой субстанціи со всѣми ея дѣятельностями и специально въ ея по-

*) Всѣ сочиненія Конта распадаются на двѣ большія половины: «Курсъ положительной философіи» въ 6-ти томахъ и «Система положительной политики» въ 4-хъ. Вторая половина представляетъ приложеніе къ практической жизни—индивидуальной и общественной—началь, выработанныхъ теоретическимъ учениемъ первой половины. Шесть же томовъ «Курса» заключаютъ въ себѣ содержаніе частныхъ наукъ и общую ихъ характеристику съ точки зрењія положительной философіи. Но въ началѣ и въ концѣ этого «Курса» есть два небольшіе отдѣла, обозначенные у Конта подъ именемъ: «Préliminaires g n eraux и R sum  g n eral et conclusion». Содержаніе первого отдѣла и заключаетъ въ себѣ тѣ «научные общности», которыхъ Контъ не могъ включить въ содержаніе частныхъ наукъ и отнесъ къ «Положительной философіи вообще». Второй отдѣлъ или R sum  точно также не относится къ какой-либо изъ частныхъ наукъ, но не заключаетъ въ себѣ также и какихъ-либо специальныхъ «общностей». Онъ представляетъ оцѣнку содержанія и доктрины шести наукъ послѣ объединенія ихъ общимъ методомъ и затѣмъ значенія этихъ метода и доктрины для дальнѣйшаго развитія общества человѣческаго.

знавательной дѣятельности, открывавшимися въ нашемъ непосредственномъ сознаніи. Имѣя въ виду свести на возможно меныше число ту область знаній человѣческихъ, которая должна войти въ классификацію, Конть дѣлить уже и въ его время довольно обширный кругъ этихъ знаній на *науки и искусства* на основаніи весьма неяснаго вообще, и особенно у него, различія въ понятіяхъ *знанія и дѣйствія* *). Исключивъ искусства изъ классификаціи, Конть еще упрощаетъ свою задачу дѣленіемъ наукъ на *абстрактныя и конкретныя*. Не имѣя ни малѣйшаго подозрѣнія въ несостоятельности и до сихъ поръ еще господствующей теоріи образованія понятій и дѣленія ихъ на абстрактныя и конкретныя, онъ произвольно и вопреки ей переносить эти термины съ представлений или понятій, къ которымъ они могутъ быть, въ силу этой теоріи, законно прилагаемы, на науки, къ которымъ приложеніе ихъ уже лишено смысла **).

Но, какъ бы то ни было, подчинивши конкретныя науки *абстрактнымъ* ***) и тѣмъ отнявши у нихъ самостоятельное

*) Какъ будто знаніе состоитъ изъ чего либо другого, кроме дѣйствій или актовъ мыслящаго существа. Вообще Конть, не сознавая того, раздѣляетъ ходячее, но довольно наивное представление о знаніяхъ, по которому они, подобно материальнymъ вещамъ, существуютъ отдельно отъ осуществляющихъ ихъ актовъ мысли, какъ бы въ разныхъ хранилищахъ, каковы: книги, библиотеки, музеи, кабинеты, наконецъ головы или мозги ученыхъ и т. под.

**) Наука не можетъ быть ни абстрактною, ни конкретною, потому что она — не понятіе, а цѣлая система понятій и, конечно, всегда система такъ называемыхъ абстрактныхъ понятій.

***) Противъ подчиненія конкретныхъ наукъ абстрактнымъ можно справедливо возразить, что не конкретныя науки, которые, по мнѣнію Конта, занимаются приложеніемъ общихъ законовъ явлений къ той или другой ихъ группѣ, зависятъ отъ абстрактныхъ, формулирующихъ эти общіе законы, а наоборотъ, ибо вѣдь законъ есть не что иное, какъ выраженіе того, что постоянно происходит въ явленіяхъ (законъ = такъ бываетъ, такъ случается), следовательно, предполагаетъ, что сперва изучены были факты или явленія, а потомъ было сформулировано въ законъ то, что постоянно является или происходит въ нихъ. Очевидно, что Конть, въ принципѣ требующій, чтобы знаніе или наука ограничивались только изученіемъ не сущностей, а явлений, въ данномъ случаѣ самъ безсознательно впадаетъ въ отвергаемую метафизику, подразумѣвавшую подъ закономъ какое-либо свойство, вытекающее изъ самой метафизической природы субстанціи или существа.

значеніе, Конть устанавливаетъ, что классификаціи подлежать только шесть основныхъ абстрактныхъ наукъ, и располагаетъ ихъ въ такомъ іерархическомъ порядкѣ: 1) математика, 2) астрономія, 3) физика, 4) химія, 5) физіологія (біологія), 6) соціальная физика или соціологія. По этой іерархической лѣстницѣ науки, думаетъ Конть, слѣдуютъ соотвѣтственно ихъ логическому и научному значенію, т.-е. такъ, что высшія въ ряду изучаютъ законы самыхъ общихъ, простыхъ и абстрактнѣхъ явлений, а низшія постепенно переходятъ къ законамъ болѣе сложныхъ, болѣе частныхъ и менѣе абстрактнѣхъ явлений. Законы, изучаемые высшими науками, имѣютъ вліяніе на законы низшихъ, такъ что зависимость наукъ другъ отъ друга пропорціональна убывающей простотѣ и общности и возрастающей сложности и частности изучаемыхъ явлений. Всѣ науки зависятъ отъ математики не только потому, что она есть типъ логическихъ операций, но и потому, что всѣ явленія подлежать величинѣ, между тѣмъ какъ величина не зависитъ отъ другихъ свойствъ явлений. Наконецъ въ этомъ же порядкѣ, по Конту, развивались науки и въ исторіи и въ немъ же онѣ должны быть изучаемы съ точки зрењія „положительной философіи“.

Эта классификація Конта и ея основанія подвергались разнообразной критикѣ и особенно со стороны мыслителей того же позитивистическою направлениемъ *). Такъ, напримѣръ, справедливо указывали, что такъ называемая Контомъ конкретная математика (геометрія и механика) по явленіямъ, изучаемымъ въ ней, вовсе не принадлежитъ, съ его точки зрењія, къ математикѣ, а къ физикѣ; что физика, химія, біологія вовсе не зависятъ другъ отъ друга, но что всѣ онѣ зависятъ отъ одного общаго корня—молекулярной физики; что астрономія, какъ абстрактная наука, есть не что иное какъ отдѣль физики, а конкретная—есть отдѣль есте-

*) Кстати, не могу не замѣтить, что и эти философы, несмотря на ихъ точность, фактичность и «научность», точно также разногласятъ и спорятъ между собою, какъ и «не научные» метафизики. Значитъ, не въ методѣ философствованія источникъ разногласія, а въ чемъ-то другомъ!

ственной истории и т. под. Точно также вѣрно и то, что отношеніе наукъ другъ къ другу не можетъ выражаться въ понятіи *іерархической зависимости* (а слѣдовательно, и въ схемѣ линейнаго ряда), но въ понятіи *взаимнаю содѣйствія* (consensus). Не менѣе вѣрно и то замѣчаніе, что понятія, служащія *критеріемъ* для іерархизаціи наукъ: простой, общий отвлеченный, произвольно принимаются Контомъ за однозначущія и употребляются двусмысленно *). Къ этимъ критическимъ замѣчаніямъ съ своей стороны добавлю, что при отсутствіи у Канта опредѣленій терминовъ: «явленіе, фактъ», всякое прилагательное, присоединяемое къ нимъ съ цѣлью разъясненія ихъ, приводить только къ противоположному результату, т.-е. къ большей *темнотѣ и путаницѣ* **).

Какъ скоро классификація наукъ, составляющая у Канта единственную „общность“, которая не могла войти въ содержаніе какой либо частной науки, оказывается совершенно несостоятельною, то, слѣдовательно, философія, какъ особая, по своему содержанію, наука есть въ его системѣ нѣчто мнимое, что окончательно и подтверждается, когда мы сейчасъ увидимъ, что пресловутый законъ трехъ состояній

*) Такъ, напримѣръ, понятіе простого употребляется у него и въ смыслѣ болѣе легкаго для изученія, и въ смыслѣ простоты состава.

**) Поэтому, наприм., выраженія: *болѣе простыя, болѣе сложныя явленія*, неизбѣжно возбуждаютъ мысль объ абсолютно простомъ явленіи. Хотя абсолютное вообще изгнано Контомъ изъ положительной философіи, но все-таки абсолютно-простое явленіе можно видѣть въ величинѣ, составляющей предметъ высшей науки, математики. Но, къ сожалѣнію, по-моему, величина не существуетъ какъ явленіе, т.-е. въ чувственномъ опыте. Хотя величина и прилагается къ чувственнымъ явленіямъ, когда мы умственно сравниваемъ ихъ между собою, но все-таки она есть не что иное какъ актъ или *точка зрењія* нашего ума. Точно также говорить о болѣе абстрактныхъ и менѣе абстрактныхъ явленіяхъ можно только тогда, когда есть абсолютно абстрактное явленіе, каковы, напр., у Гегеля абсолютно-абстрактные понятія (— реальности) чистое бытіе и ничто. Далѣе, когда Контъ говоритъ о болѣе и менѣе общихъ явленіяхъ, то спрашивается, кому или чему они общі? Должно-быть общі явленіямъ же, ибо, по Канту, ничего кромѣ явленій не можетъ быть предметомъ знанія. Вообще у него терминъ *явленіе* употребляется двусмысленно, даже трехсмысленно: то онъ означаетъ отдельныя материальные вещи то означаетъ ту или другую сторону или свойство этихъ вещей *in abstracto*, то, наконецъ,—событие, перемѣну и проч.

еще менѣе, чѣмъ классификація, можетъ быть признанъ за содержаніе философіи, какъ науки особой отъ частныхъ наукъ. Значитъ, философія Конта есть не что иное какъ прямолинейная и весьма послѣдовательная попытка съ корнемъ уничтожить *настоящую философію* (называемую имъ метафизикою), противопоставляя ей *энциклопедію* сложившихся исторически наукъ, искусственно и произвольно связанныхъ. Но если, по выше приведенному изреченію Аристотеля, философія можетъ быть отрицаема философіею же, то гдѣ же та философія, во имя которой — не мнимо, а на самомъ дѣлѣ, хотя и не сознавая того — Конть отрицаетъ истинную философію? Она, отвѣчу я на этотъ вопросъ, скрывается въ томъ, что Конть называетъ „положительною религіей“, ибо и она, какъ и всякая другая религія, вмѣстѣ съ элементами, входящими въ религіозное сознаніе, заключаетъ въ своеемъ составѣ и философско-метафизический элементъ.

А. Козловъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)